

ционный пушкинский центр. Согласно указу президента Александра Лукашенко, 99-й год объявлен Годом Пушкина, а в белорусских университетах учреждены Стипендии имени Пушкина для студентов филологических факультетов.

В Минске великому русскому поэту будет возведен памятник.

РЕЙФ ФАЙНС, актер из Великобритании («Список Шиндлера» — нацист Амон Гет, «Английский пациент» — граф Алмаши и т.д.), собирается выступить как продюсер фильма «Евгений Онегин». До сих пор было снято два русских «Евгения Онегина» (в 1911 и 1959 гг.), но по либретто. Так что фильм Файнса окажется первой киноверсией собственно романа в стихах — в укор соотечественникам поэта (особенно в преддверии его 200-летия). «То, что «Евгений Онегин» написан в стихах, прибавило нам трудностей, — говорит Р. Файнс в интервью «Premiere» (1998, №3). — Но сама история, по-моему, достаточно волнующая, а она была в нашем полном распоряжении».

Сценарий фильма написан суровой прозой, диалоги просты и прозрачны; музыка, по-видимому, будет русской классической, хотя в идеале Файнс хочет найти композитора, «способного настолько проникнуться настроением «Онегина», чтобы сделать сильный оригинальный саундтрек». В роли Татьяны выступит Лив Тайлер («Ускользящая красота»).

МУЗЕЙНАЯ жизнь тоже нередко выходит из спокойного русла. Например, никак не разрешится вопрос о возвращении законным владельцам культурных ценностей, реэкспонированных в нацистский период и находящихся в австрийских музеях. Как заявил на днях Рудольф Вран, руководитель музейного отдела Министерства культуры Австрии, проблему эту необходимо урегулировать на правительственном уровне. Так что газета «Нью-Йорк таймс» явно поспешила сообщить о готовящейся передаче семье Ротшильдов десяти картин из венского Культурного музея.

А вот другой сюжет — правительство Италии выступило с уникальной инициативой: начиная с апреля 16 главных государственных музеев страны будут открыты для посетителей до 22 часов! На презентацию этой инициативы премьер-министр Романо Проди отметил, что подобным расписанием работы музеев не может похвастаться ни одна страна. «Теперь мы можем сказать людям во всем мире: приезжайте в Италию — наши музеи всегда открыты!»...

По расписанию, рассчитанному на три года, будут работать, в частности, Египетский музей Турина, галерея Уффици во Флоренции, Музей античных искусств и Национальный музей в Риме, музей Каподимонте в Неаполе. По мнению Вальтера Вельтнера, министра по вопросам охраны памятников культуры, число посетителей музеев непременно возрастет, в результате чего удастся преодолеть даже показатели 1997 года, когда в итальянские музеи пришло около 12 миллионов человек.

По материалам информационных агентств и собственных корреспондентов

Стойло Пегаса

В ИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ, когда вы в последний раз замечали наступление весны?

— У меня времена года свои — по настроению. Летом у меня может быть зима внутри. В этом году весна наступила в феврале, когда около метро я увидел женщину, робко, из-под полы продающую подснежники. Она очень боялась милиционеров. Я подошел: «Откуда это?» — «Из Сочи». Я купил пару букетиков, принес домой — и весна.

— Вы не производите впечатление человека, у которого есть дом.

— Да, мой дом — это моя спортивная сумка...

— У вас в феврале еще и день рождения. Как вы вообще относитесь к факту своего появления на свет?

— Я думаю, что это ошибка.

— Чья? Родительская или мироздания?

— Мироздание должно благодарить родителей за ошибку. Когда я был уже взрослым, мама очень долго мне рассказывала, как нужно предохраняться. Она перечислила все, что она делала, чтобы меня не было: «Вот так, сынок, ты и родился». Так что, когда бывает тяжело — есть кого упрекнуть: какого черта ты не досидела тогда в горячей воде?

— А в чем ошибка вашего человеческого проекта?

— Во-первых, бесплатное среднее образование. Во-вторых, общее, схематичное высшее образование: человека нельзя взять и назначить твоим учителем. Каждый должен найти в себе силы и выбрать вожака, или вожаков, и вытянуть у них что-то, а потом это что-то перестроить на себя. Иначе не может быть движения дальше, прежде всего в профессии.

— Как вы относитесь к бытующему в артистической среде предвзвешению об актерах — энергетических вампирах?

— Актер-вампир — это ерунда. Любой человек может вытягивать силы. Расстаться с ним опустошенный, облегченный.

— А может актер вообще быть вампиром — ведь он отдает свою энергию зрителю, иначе он не актер?

— Это восьмерка, обратная связь. Бывает «пустой» зал и при аншлаге, и сколько бы ты его не жег глаголом — все уходит в вату. Конечно, при известном мастерстве можно такой зал растопить, но тогда ты тратишь энергию на то, чтобы победить пустоту. На спектакль не остается.

— Представьте себе другой зал. Идет «Вишневый сад» (вы Лопухин), в театр привезли три автобуса старшеклассников. Половина из них пьяные, обкуренные, топчут, ржут, жрут, плюются жвачкой. Кто-то свалился с балкона в амфитеатр — прямо на головы людям. Я описываю реальную ситуацию, которая была на спектакле в Малом театре во время зимних каникул. Ваши действия?

— Бывает ансамбль актеров, а бывает театр, что их абсолютно не интересует, как там в зале: пусть хоть танки стреляют, они дуют в свою дуду друг другу. И договаряют.

Виктор Алексеевич Проскурин родился в 1952 году в Москве. Окончил Театральное училище имени Щукина в 1973 году, выпуск Татьяны Коптевой. В 70-е годы — один из ведущих актеров Театра имени Ленинского комсомола, в 80-е — в труппе Театра имени Ермоловой. Снялся почти в 80 фильмах, среди которых — «Большая перемена» (Ляпишев), «Белорусский вокзал» (Петька), «Военно-полевой роман» (Новиков), «Жестокий романс» (Вожеватов), «Повесть непогашенной луны» (Сталин). В 1997 году получил звание Народного артиста РФ.

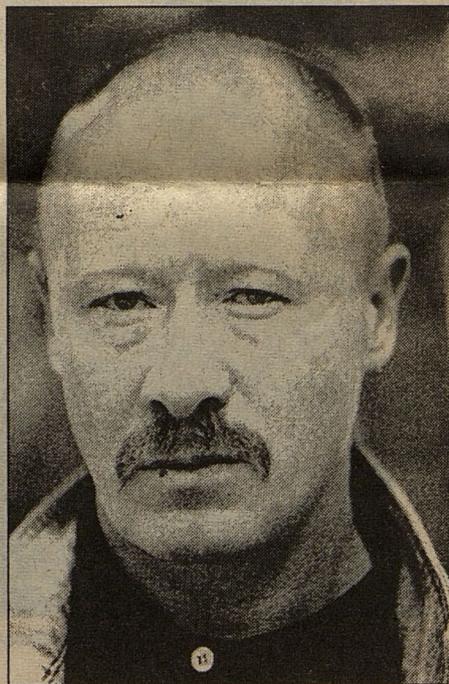

Фото Романа Васильчикова

Доскажут. А такие залы, как вы рассказали, через спектакль бывают. Детей привезли — это уже насилие. И им гораздо интереснее затеять что-то между собой, чем смотреть на то, что им пихают со сцены. Заставить их угомониться, увлечь, заинтересовать — можно. Актер может держать такую паузу, что слышно, как муха пролетит. Не просто взять да замолчать, — к па-

ПОЛЮБИТЕ НАС ЧЕРПЕПЬКИМИ

«Актеров нельзя пускать дальше передней», — говорит Виктор Проскурин

узе нужно подвести, точно ее отмерить, не переждать.

— Во время паузы внутри себя вы собираетесь для дальнейшего или уже работаете, трагитесь?

— Пауза — это игра на привлекательность: вот я настолько сейчас интересен, что пальцем шевельну, и все будут смотреть.

— Были у вас в жизни такие — «мхатовские» — паузы?

— До черта, большие, маленькие. Но пауза в жизни — совсем другое. Собрать себя, расколотого, но уже по новой схеме, не таким, каким тебя ждут. Эта игра уже на разрыв аорты...

— Из каких кусков вы состоите?

— Я люблю начинать с нуля. Как самолет, когда шасси не выходит, сбрасывает бензин, чтобы сесть на брюхо. Потом заправиться, вытащить шасси и у-у-у...

— Кстати, вернемся к началу. У вас были учителя, вожаки? Которых вы выбрали, из которых вытянули?

— Я обожаю свою учительницу — ее уже нет — Ларису Александровну Пашкову. Как про меня Захаров в шутку сказал однажды, что я для него символ разрушения, так и она всю жизнь являлась для всех таким символом. Резкая, властная, язва, как скажет, все просто падают со стула, все от нее шарахаются, — а мне нравятся. Схема ничему научить не может. Станиславский на самом деле написал схему, «рыбу», ее еще нужно обуть, одеть, нафаршировать. В институте берут книжку Бориса Евгеньевича Захавы «Мастерство режиссера» и все поэтапно ее переписывают, переставляя предложения так и сяк. И если бы не Лариса Александровна, я бы так и не понял, что значит впустить в себя другое существо, которое станет менять твои внутренности. Можно и дьявола впустить на время — но только знать, как от него потом избавиться...

Чем-то я ей приглянулся, может быть, наглостью. Она меня обзывала всячески. И вдруг говорит: «Хотите посмотреть выставку французских фотографов в Манеже? Пригласите меня. Завтра в одиннадцать часов». А там очередь — в Мавзолей столько не бывает. Что делать? От отчаяния загибнотизировал милиционера, тот провел меня в кассу. Но ведь еще сколько часов надо выстоять, чтобы внутрь попасть? И вот ровно одиннадцать, приходит она — и такой походкой, что тут же ее всюду пропускают. Нас. «Взял билеты?» — «Да». Гордо так. Ходим по выставке, а она бурчит, мол, смотри, какая бабеночка. При чем тут бабеночка? Вышли. — «Сколько денег потрачено?» — «Ну, я пригласил» (а билеты копеек по пятьдесят). — «Да, кстати, на, возьми

билеты, отдай кому-нибудь, что они там толкаются». А у нее уже были билеты! У нее все было! После этого она согласилась взять меня в отрывок, на роль Смердякова. Она выстроила мизансцену, где был фигурный подсвечник, и говорит: «А ты вот возьми-ка пальчик намочи и по позвоночничку так вот ее потрогай и скажи: «В Черемашню-с ехать надо», — помнишь ту бабенку на выставке, какая она?»... А вообще не обязательно вожаки профессионалы. Мясник Валера у меня тоже в чем-то был учитель.

— Из Театра на Таганке почему ушли?

— Лучшее спросите, как я туда пришел. После окончания института Юрий Петрович взял троих из нашего выпуска — Люсю Филиппук, меня и Сашу Давыдову. Я там числился три месяца и гордился — это был 73-й год, лишние билетчики спрашивали уже в метро, тут тебе Высоцкий, Хмельницкий — и ты. Но я ничего не играл, ни разу не вышел на сцену Театра на Таганке, меня забыли. Любимов проходил мимо, не замечая. Фильм «Большая перемена» — эта «Чайка» моей биографии — еще только монтировался. Вот если бы он тогда успел выйти — «Ходишь, ходишь в школу, и вдруг — бац», — меня бы точно поставили в спектакль с Высоцким, прямо рядом. И до сих пор бы бежал в таганской стае, не зная, к кому примкнуть. А так — пересмотрел все спектакли, знакомых всех сводил. Вроде как и заняться больше нечем.

А тут Захаров, тогда еще только исполняющий обязанности, затеял просмотр молодых актеров в Ленком, и мои еще не пристроенные однокурсники попросили меня подыграть... И Захаров позвал в Ленком. Раз позвал, я отказался, два — и я пришел к Любимову и говорю, мол, меня приглашают в другой театр. Имелось в виду: когда «Гамлета» будем играть, а то уйду. Сейчас, думаю, бросится на колени: не уходи, дорогой. А он спросил, куда, спросил, предлагают ли роль, и сказал просто: «Иди».

— Вы много снимались и тогда, когда появлялось так называемое альтернативное кино — чернуха, порнуха, мистика...

— Я не участвовал ни в каких киношных «затяхах». Всегда снимался там, где мне нравилось и у тех, у кого хотел сниматься.

— Например?

— «Военно-полевой роман» Петра Тодоровского. Мне нравилась картина, нравилось, как Петр Ефимович все организовывал. Он никого не тычет носом, сам по себе, и люди с удовольствием с ним работали. Хотя все началось с конфликта: я очень хотел играть главную роль — Нетужилина. Два месяца мы встречались, пере-

званивались, я его познакомил с Пашей Смейном, который поет в фильме. Все было замечательно, пока он не стал подбирать актрису. В процессе проб я стал вытаскивать свое видение, причем очень напористо. Я стал спорить с режиссером, забыв о том, что не я кино ставлю, я исполнитель. Иногда меня захлестывает. Когда приглашаю сниматься, я теперь предупреждаю, что мое поведение ничего не значит — просто из десяти вариантов нужно выбрать один.

— И кого из режиссеров вы смогли убедить?

— Петра Тодоровского.

— Который не дал вам главную роль?

— Нет... Да. Я стал говорить ему бранные слова, он — мне. Еще бы — я же все забросил, два месяца коту под хвост. А когда уже начались съемки, он позвонил из Одессы и говорит: «Ну ладно, Новикова сыграешь?» Я говорю: «Что?!» — и стал торговаться, причем не за роль, а за съемочные дни — за оплату. Потребовал семь съемочных дней, а к оплате пятнадцать. Составили договор. Приезжаю к нему и с таким же хамством — может быть, это и есть мое истинное лицо — веду себя... А вечером в гостинице — слово за слово, почти до утра проговорили, он рассказал мне весь сценарий по-своему. Два часа сна — и утром стали работать уже по-настоящему... А когда все закончилось, так хотелось вернуться, думал, хоть бы на пленке оказался какой-нибудь брак, и надо переснимать. Он очень умный человек.

— В «Жестоком романсе» вы тоже так?..

— Когда мне сказали, что я буду сниматься в компании Мягков — Бурков — Михалков — Петренко, у меня что-то екнуло в груди: все зурьбы.

— У вас там получилась одна из самых сильных ролей.

— Да, неплохо получилось. Потому что была собранность. Команда гигантов, но никто никого не давит. Самоигральные актеры.

— То есть сами себя играли?

— Ну не совсем. Никто не хотел друг перед другом скиксоваться, а мне оставалось между ними приноравливаться. Я сжался в комочек. Алексей Васильевич, например, принес шесть изданий Островского и сказал: здесь так, а здесь так, а здесь вот так, а в сценарии этого нет — надо взять. Никита Сергеевич по-своему готовился — у них у всех свои привычки. А у меня привычки мелкие такие.

— Это что — нелюбовь к чтению? Желание создавать трудности?

(Окончание на стр. 10)

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Желания уже нет, они сами вокруг меня возникают, не каждый ведь режиссер умеет вовремя тормознуть... Как Сергей Ашкенази. Я стал у него сниматься, ему все не так, не так. А как? Не знает. Через неделю я ему говорю: уйди из павильона или иди играй сам. Режиссеру. И он уходил. Еще через неделю он пригласил меня к себе. Сидели долго, меня захлестывало, я ему что-то рассказывал о себе: как иду на репетицию к Захарову, допустим, а по пути шампанское в розлив, но после одиннадцати, но ты подойдешь, мигнешь Люсе, она тебе в чайную чашку нальет — хорошо, настроение бодрее... Все замечательно. Я ушел радостный. И вдруг в полдевятого раздается звонок: «Витя, значит, так. Если ты выпьешь, то учти...» Это после моего такого нежного рассказа! Я вешаю трубку. Ага. Иду на-против гостиницы в стекляшку, тоже подмаргиваю, беру сухое вино. Прихожу в группу: доброе утро, говорю. Беру какую-то чашку на подоконнике, наливаю вина: с началом рабочего дня, ребята! Ашкенази начинает кудахтать... Потом я отказался озвучивать картину, он приходил ко мне домой с апельсинами — поговорить захотелось. Уговорил. Я озвучивал спиной — не мог смотреть муру, которую они смонтировали.

— Вы не отличаете конфликта от провокации?

— Да. Меня очень легко спровоцировать, даже если я все вижу.

— Зачем вам это? Почему такая рваная судьба? Неумение превратить успех в звонкую монету, неоднозначная слава.

— Мое неумение? Вот «Случайный вальс» у нас даже на экраны не вышел, по телеку один раз прокатили. Картина едет в Локарно, получает там первый приз, и «Ленфильм» продает ее за копейки Гол-

ландии на три года. Никаких процентов с проката, ничего. А там три года фильм идет в маленьком кинотеатре, который так и называется «Случайный вальс» — и больше там ничего не идет.

— Все полученные вами призы связаны с фильмами Светланы Проскуриной, которая у нас была вашей женой. В традиции пара муж-режиссер и жена-актриса; не потому ли вы разошлись, что у вас была пара наоборот?

— Нет, абсолютно. Света — очень умная, талантливая женщина, у нас была очень счастливая жизнь. Наверное, наступил лимит. Плюс мой отвратительный характер.

— Вы снялись в 80 фильмах, и ни один режиссер (кроме Светланы Проскуриной) не пригласил вас дважды. Почему?

— Меня слишком всерьез воспринимают, иногда начинают уж такое дорисовывать. А я всегда умудряюсь какую-нибудь подлянку сотворить, даже когда все хорошо, особенно когда я кому-то необходим, словно без меня кто-то заблудится. Я неблагодарный. Наверное, отлыниваю от ответственности. Как с женщинами — павлиний хвост распускаешь, но всегда наступает момент, что не дай Бог она влюбится по гроб жизни, — я-то не смогу этого. Увлечешься, пококетничать — да. Довольно многих людей я обидел, есть грех. Вроде бы такой хороший — понимаю, что не могу дать все, и ухожу; но на самом деле это скотство, потребительство. Я пренебрежительно отнесся к некоторым лю-

дям, которые мне искренне, без дураков хотели помочь.

— Что даром дается — легко тратится?

— Да. То же самое: правительство дарит к юбилею Театра Ленинского комсомола машины. Семидесятилетие. Вашему театру Ленкому — мы — все вам. Щедро до невозможности. В итоге — кому? Есть Вова Кузнецов, Володя Ширяев, есть люди, которые работали с Марком Захаровым, когда тот еще артистом бегал, отдали жизнь, видели только этот театр. Дайте им. У Вовы Карецкого никогда не было машины — он проработал в этом театре 40 лет. Зачем Коле Караченцову, Саше Абдулову, Олегу Янковскому, Саше Збруеву, Инне Чуриковой — кому вторую, а кому и третью. Началась другая жизнь в театре — машины — то все разные... а мне! а мне! мне нужна «семерка»! мне «москвич»!

— Но ведь театр не может жить без премьера, лидера.

— Я согласен, не может. Но это юбилей, подведение итогов. А как же люди, которые помогли подсобить итоги? Я, наверное, безнадежный совок. Может быть, даже совковая лопата. Хоть мною никогда дерьмо и не загребали. Зато и в партиях никогда не участвовал — лавировал между, не то чтобы я умный, это как чутье собачье. Я понимал, что если ты член, то что-то...

— Звание получишь, например...

— Хрен с ним, я и без КПСС получил звание, но дело не в этом, а в том, что если я нарушу дисциплину, карать не будут, а вызовут на ячейку... В свое время мне один человек — не могу сказать, кто, он сейчас в президентском совете — предложил вступить. Надо, говорит. А я, как большой любитель Ленина, цитирую: «Коммунистом стать можно только тогда, когда овладеешь всеми знаниями». Я не созрел, мол, еще.

— Ваньку ломать у вас хорошо получается.

— Тогда. Сейчас не очень.

— Восемьдесят ролей в кино плюс театр — огромная галерея получается. Вы когда-нибудь играли себя? На кого из своих героев вы похожи?

— Не знаю. Я на самого себя не похож. Не знаю, кто я. Со мной иногда разговаривают как не со мной, а с кем-то из моих героев, я это чувствую. А если из меня их всех отнять — что останется? Не знаю, какой-то шлейф от ролей остается. Я начинаю не любить свою профессию.

— Фильмы, в которых вы сыграли главную роль, особым успехом не пользуются, а те, где у вас эпизод, жанр чистой воды, не-

ПОЛЮБИТЕ НАС ЧЕРНЕНЬКИМИ

Независимая газ. — 1998. — 13 марта. — с. 9-10

Виктор Проскурин в роли купца Василия Вожеватова в фильме «Жестокий романс» (1984).

изменно в числе шедевров. Как вы думаете, почему?

— Значит, я мастер эпизода. Подсматриваю людей в метро, а потом их копирую на сцене.

— В спектакле Валерия Фокина «Приглашение на казнь» вы играете Палача. Этот образ тоже подсмотрен в метро?

— Нет. У набоковского палача нет парика. Не помню откуда, но у меня даже было записано — представьте себе, человек что-то говорит, говорит и вдруг снимает парик и продолжает говорить, — то же и так же, но смысл слов вдруг меняется. Я вспомнил, пошел в гримерную, попросил парик, и пошло, пошло... А потом приехал

племянник Набокова Дмитрий Владимирович и посмотрел спектакль. Я его спросил: ничего, что не по Набокову, парик и все такое? Он сказал, что все очень здорово, он себе так и представлял. Я успокоился, и вольность от спектакля к спектаклю разрасталась.

— Что еще вы добавили?

— Скорее, наоборот, утащил. Правда, это было гораздо раньше. Там в романе есть замечательные стихи: *люби лишь то, что редкостно и мнимо, и крадется окраинами сна...* Я их использовал в захаровском спектакле «Проводим эксперимент» — единственном, который он на меня поставил, — в конце первого акта, когда я разговариваю по телефону. Репетиции, прогоны, наконец, сдача Управлению культуры. Через какое-то время ко мне в гримерную приходит Марк Анатольевич и говорит: «Вы что, с ума сошли? Что за стихи вы читаете?» Я смекнул, в чем дело: «Да сам не знаю. Нашел...» — «Это же диссидентский автор, запрещенный писатель! Это Набоков же!» Хорошо, взял другие стихи, Бунина: *И цветы, и шмели, и колосья, и лазурь, и полуденный зной...* Но мне понравилось Управление культуры — ведь кто-то там сидит и знает Набокова. Прошли годы. Я опять что-то к слову про Набокова. Захаров посмотрел на меня эдак по-доброму и удивленно: «Вы читаете Набокова?» К актерам относятся как к шутам, что справедливо. Материал — из него можно лепить. Недалекие такие.

— Да ведь и поэзия должна быть глуповата...

— Мне нравится крепостное право. Актеров за стол не сажали, дальше передней не пускали, и это было правильно. Так должно быть. А то у нас сыграл Ленина — и потом всю жизнь из любой роли смотрит генералом.

— То есть актерство может занимать «звездную» позицию только в условиях массовой культуры.

— Актерство не должно быть бизнесом. Не получается пойти поиграть, потом поучить аэробике, потом пооткрывать «Макдоналдс», потом снова поиграть.

— Я знаю, что вы пишете стихи. Не прочитаете что-нибудь?

— Пожалуйста. Эпитафия.
*Проскурин спит под камнем сим.
Их. с ним.*

— А что-нибудь посерьезней?

— Из Моцарта?

Жизнь коротка, искусство вечно

КУЛИСА НГ
ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО

Приложение к «Независимой газете» по культуре и искусству
Выходит два раза в месяц

Ответственный редактор Виктория Шохина

Над номером работали:

Григорий Заславский, Рустам Рахматуллин, Людмила Пакаева

Корректора:

Нина Гайдукова, Светалана Игнатова

Компьютерная верстка:

Сергей Курьшев, Наталья Зинякова, Дарима Туратбекова,
Татьяна Тулупова, Екатерина Силаева, Константин Федулов

Иллюстрации:

Дина Нурмухаметова, Илья Сергеев, Сергей Бомштейн

Телефон редакции
928-81-88

© «Независимая газета»
© «Кулиса НГ»